

М.С. ГАЛИНА

Гендер в зеркале фантастики

Современные литературоведы выделяют два поджанра фантастики - "твердый" и "мягкий". "Твердый" строит модель мира, основываясь на имеющейся у нас на данный момент естественнонаучной парадигме, "мягкий" вводит дополнительные степени свободы, например магию, расширяя тем самым рамки возможного. Очень часто эти поджанры смыкаются: параллельные миры (которые, хоть и не слишком охотно, допускает современная физика) у фантастов сплошь и рядом оказываются областями, где действует магия; а в "мягком" цикле (У. Ле Гуин "Волшебники Земноморья") магия подчиняется строгим законам внутренней логики, превращаясь, скорее, в область научного знания.

Занимаясь моделированием мироустройства, фантасты не могли пройти мимо такого мощного биологического и социокультурного явления, как деление человечества на два иола со всеми вытекающими отсюда последствиями - ведь в большинстве известных нам обществ именно взаимоотношения полов формируют основную социокультурную парадигму. Для писателя, который всю свою сознательную жизнь потратил на исследование несуществующих вселенных, возможность так или иначе "поиграть" с этой биосоциальной моделью оказывается столь сильным соблазном, что его не сумел избежать почти ни один крупный писатель-фантаст.

Разумеется, первое, что бросается в глаза, - очевидная бинарность человечества, оппозиция внутри единого биологического вида, настолько мощная, что она захватила все сферы общественной деятельности: производственную (разная доля участия обоих полов в различных процессах производства), потребления (стоит вспомнить набившую уже оскомину телевизионную рекламу, в большей своей части имеющую четкую сексуальную ориентацию), религию (сам вопрос о принадлежности божественной сущности к женскому или мужскому естеству до сих пор занимает умы философов) и культуру (обилие так называемых дамских романов, заполнивших книжный рынок). Дихотомия эта настолько очевидна, что писателя-фантаста сразу тянет устранить ее, умножив сущности, например увеличив количество полов, необходимых для воспроизводства, доведя его, как скажем, в романе А. Азимова "Сами боги", до трех: три пола дополняют друг друга, являясь одновременно тремя компонентами, образующими целостную единицу или же полную личность, т.е. компоненты эмоциональная, волевая и рассудочная. Парадоксально, но мы, читатели, воспринимаем в данном контексте в качестве женского начала именно эмоциональную компоненту, а две другие считаем мужскими, чему способствует и сам текст, приписывающий "эмоционали" или, иначе, "серединке" женскую маркировку.

Великий насмешник Ст. Лем попробовал вывернуть проблему наизнанку/поглядев на человечество чужими глазами и тем самым сделав привычное абсурдным: спор двух ученых о том, как может выглядеть существо с других планет:

Г а л и н а Мария Семеновна - кандидат биологических наук, писатель, переводчик англоязычной литературы.

"- По-твоему, они не могут иметь вертикальную фигуру и передвигаться на так называемых ногах?"

- Ноги! Ну конечно! Как будто еще двадцать пять пламеней тому назад я не доказал, что любое двуногое существо, стоит его поставить, немедленно опрокинется! Я даже изготовил соответствующую модель и чертеж, но что вы, бездельники, можете об этом знать! Как выглядят разумные существа иных миров? Прежде всего они должны иметь органы для усвоения аммиака, не правда ли? Какое устройство сделает это лучше, чем скрипла? Разве они не должны перемещаться в среде, в меру упругой, в меру теплой, как наша? А как это сделать, если не хождениями? Аналогично будут формироваться и органы чувств - зряни, клуствицы и скрябы. Но они должны быть похожими на нас, пятиронцев, не только строением, но и образом жизни. Ведь известно, что пятерка является основной ячейкой нашей семейной жизни - попробуй пофантазировать, выдумать что-нибудь другое, напрягай сколько угодно воображение, и я ручаюсь тебе, что ты потерпишь поражение! Для того чтобы создать семью, чтобы дать жизнь потомству, должны соединиться Дада, Гага, Мама, Фафа и Хаха. Ни к чему взаимные симпатии, ни к чему планы и мечты, если отсутствует представитель хоть одного из этих пяти полов. Такая ситуация, к сожалению, иногда встречается в жизни. Мы называем ее драмой четверки или несчастной любовью... Как видишь, если рассудить без малейших предубеждений, опираясь исключительно на научные факты, если пользоваться точным инструментом логики, мыслить холодно и объективно, мы приходим к неопровержимому выводу, что каждое разумное существо должно быть похоже на пятиронца... Надеюсь, я вас убедил?" [1. с. 152. 153].

В рассказе К. Саймака "Мираж" древним обитателям Марса нужно собрать вместе семь особей своего вида для процесса воспроизводства, и, по горькой иронии судьбы, целой расе грозит вымирание только потому, что "седьмых" из-за их драгоценной шкурки истребили браконьеры-земляне.

Число полов умозрительно можно умножать сколь угодно, пока авторы не упираются в проблему чисто технического характера - такое размножение становится слишком сложным, трудоемким, да и маловероятным процессом (попробуйте собрать вместе семь или даже пять относительно симпатичных друг другу разнополых особей да еще в соответствующем настроении), чтобы иметь хоть какое-то отношение к реальности. Ведь чисто биологически половое размножение означает обмен генетическим материалом, и вероятность генетических сбоев с увеличением числа участвующих в процессе размножения особей резко повышается, а возможность их встречи, наоборот, снижается.

Все перечисленные придумки лежат в пределах чисто биологической сферы, и разнообразие вариантов здесь почти неограниченно (можно вспомнить не только самые разные фантастические варианты, но и реальные, имеющиеся здесь, на Земле, у нас под боком). А как насчет сферы социальной? Пожалуй, нет такой известной в истории или гипотетической модели сексуальных отношений, которая не была бы отработана фантастами. Особенно отличился классик американской фантастики Р. Хайнлайн - можно сказать, что это его любимый конек. Полигамия, групповой брак, полиандрия, промискуитет обычный, промискуитет внутри закрытой социальной группировки, матрилинейное родство без матриархата, просто инцест, инцест при помощи "машин времени" - все это излагается с огоньком, художественно обосновано настолько, что внутри текста воспринимается как норма, и даже имеет под собой философскую основу. Недаром одна из книг Хайнлайна "Чужак в чужой стране" в эпоху "хиппи" стала бестселлером, настольной книгой университетских кампусов: ведь она проповедует "свободную любовь", где каждый может подарить радость каждому, что помогает открыть прежде неведомые человечеству духовные возможности.

К сожалению, до советского читателя эта книга дошла в переводе лишь недавно, но у нас тоже был свой "властитель дум", оказавший колоссальное влияние на формирование всего фантастического жанра - фигура противоречивая и неоднозначная, но масштабная. Я имею в виду писателя и ученого И. Ефремова.

Не обладающие особыми художественными достоинствами (да автор и не ставил себе такую задачу, был, скорее, популяризатором) романы Ефремова высоко подняли планку тогдашней "научной" фантастики благодаря нешаблонности и истинно космическому размаху замыслов. Некоторые идеи Ефремова по тем временам звучали, мягко говоря, нетрадиционно, а местами даже крамольно: возможность генетического планирования для оздоровления и совершенствования человеческой расы (то, что тогда называлось "евгеникой" и безоговорочно осуждалось); предположение, что любовь-страсть, всепоглощающая зависимость от близкого человека, скорее всего, представляет собой род своеобразного невроза (тезис, впоследствии нашедший поддержку у многих серьезных психологов); мысль о красоте как о биологической целесообразности; неверие в точные науки как в панацею от всех бед (еще в 60-е годы, когда спор между физиками и лириками решался явно в пользу физиков, а словосочетание "точные науки" носило чуть ли не сакральный характер, Ефремов вслед за Леви-Стросом вполне мог бы заявить, что "будущее должно принадлежать гуманитарным наукам, или его не будет вообще"); предупреждение о возможных последствиях экологической катастрофы или "планового" хозяйства...

Исследуя проблемы социума, разрабатывая модель "совершенного человека", Ефремов, пожалуй, как никто другой из российских фантастов советского периода, всерьез занялся изучением гендера как социального, психологического и биологического явления. Он первый в отечественной (а может, и в мировой) фантастике превратил женщину из ценного приза, награды, достающейся герою, или просто из декоративного сюжетного украшения в активное, а то и в главное действующее лицо событий - начиная от исторического (а вернее, псевдоисторического) романа "Таис Афинская", посвященного знаменитой кургизанке, подруге Александра Македонского, до описаний далекого будущего, где женщина не просто осваивает границы неведомого бок о бок с мужчиной, но и принимает на себя основное бремя первого контакта с представителями олигархического общества на Тормансе. Наделяя своих женщин большей по сравнению с мужчинами духовной и интеллектуальной гибкостью и остротой восприятия (вспомним панегирик в защиту "ведьм" в авантюрно-фантастическом романе "Лезвие бритвы"), Ефремов первый заговорил и о социокультурных стереотипах (а часто и предрассудках), связанных с полом, и об эротике, что по тем временам звучало особенно крамольно.

Женщины Ефремова активны, независимы, свободны и физически совершенны. Они проживают жизнь без изнурительной старости, отличаются силой и глубиной эмоций и интеллектуальным богатством. Особенно, как настаивает сам автор, если сравнивать судьбу женщин утопического общества на Земле будущего с участью их несчастных предшественниц из древних веков или современниц на неблагоприятном Тормансе, где женщина подвергается сексуальному и психологическому унижению тем больше, чем она красивее и независимее духовно. При этом Ефремов сознательно не пренебрегает и прямым популяризаторством, которое иногда сообщает людям будущего, по ходу дела посвящаящим друг друга в интересующие автора проблемы, трогательную наивность. Так, в романе "Туманность Андромеды" при раскопках скифского кургана группа археологов будущего, руководимая одной из идеальных героинь автора - историком Ведой Конг, - находит в могиле какого-то царька и удушенную платком женщину - очевидно, жену или рабыню. Герой повести бесхитростно спрашивает свою возлюбленную: "По доброй воле пошла женщина за своим мужем? Зачем? Во имя чего? Если из-за большой, преданной любви, то как же можно было убивать ее, а не сберечь, как лучшую память о себе в покинутом мире живых?" Такой вопрос требует достойного ответа, и героиня разъясняет: "Старайтесь понять тех людей.... устройство общества порождало, с одной стороны, большую, совсем неизвестную нам свободу отдельного человека в мелких его страстях и желаниях, и, с другой стороны, невероятную замкнутость в общении людей между собой и узость помыслов... Женщины, в особенности красивые, в древности являлись добычей и игрушками сильного. Им нельзя было существовать без власти и защиты мужчины..."

Собственные стремления и воля женщины значили так мало, так нестерпимо мало, что перед лицом той жизни... кто знает... Может быть, смерть казалась более легкой участью..." [2, с. 97, 98].

Однако, читая ставшие классикой утопии Ефремова, поневоле задумываешься: а так ли идеально его идеальное общество? Что ж, посмотрим... Женщина тяготится зависимостью от партнера - сделаем ее независимой и дадим ей возможность выбора; женщина тяготится обременительными (с точки зрения и мужчины, и социума вообще) узами материнства - освободим ее от них, предоставив воспитание детей квалифицированному персоналу. Если же некоторые отсталые особы с переразвитым материнским инстинктом не в силах оторвать от себя ребенка, что ж, изолируем их, отправив на специальный "остров матерей". Все обязаны быть красивыми и здоровыми, а значит, родительские пары подбираются по рекомендации генетиков - это долг, а не веление сердца; надо переступить через свои пристрастия, если того требует общественное благо. Человечеству, да и отдельному человеку вроде бы предоставлены все возможности, но, напоминает автор, эти возможности могут расцвести только в условиях жесткого самоограничения. И тут начинаются любопытные вещи.

Например, в этом обществе отсутствует юмор (юмор - признак ущербности, в нем не испытывает потребности духовно и физически совершенный человек), не говорят комплиментов (исчезла необходимость в обмане), искусство обязано звать человека к дальнейшему совершенству, говорить о "высоком", следовательно, оно по-своему утилитарно. Предоставим слово самому автору: "...Многое из еще недавней культуры отошло в небытие. Исчезли столь характерные для эры Мирового Воссоединения (для нынешней и последующей эпох. - *М.Г.*) словесные тонкости - речевые и письменные ухищрения, считавшиеся тогда признаком большой образованности. Прекратилось совсем писание как музыка слов... исчезло жонглирование словами, так называемое остроумие. Еще раньше отпала надобность в маскировке своих мыслей, столь важная для Эры Разобщенного Мира. Все разговоры стали проще и короче" [2, с. 296]. Утопия на деле становится такой статичной, совершенство - таким стабильным, что поневоле вспоминаешь "Мы" Е. Замятина с его "материнской нормой" и одами в честь гигиенического мыла.

Крайности, которых так боялся сам Ефремов, смыкаясь, приводят к одному и тому же - к жесткому функционализму, к утилитаризму, царящему в обществе, будь то ефремовская коммунистическая утопия или замятинская диктатура с ее промывкой мозгов и "нумерами", заменяющими живых людей. Недаром, по словам героини Замятина - революционерки, революция нужна не потому, что созданное "нумерами" общество невыносимо для жизни (заметим, что главному герою повести, конструктору "Интеграла", оно кажется вполне совершенным и благополучным), а потому, что оно слишком стабильно, революции же для того и существуют, чтобы взрывать изнутри закостеневшие системы. Чувствуя это, и сам Ефремов постепенно проповедует концепцию "золотой середины", "равновесия", "нуля", пути по "лезвию бритвы", через который необходимо провести и каждого отдельного человека, и человечество как биологический вид; состояния, в котором любой сдвиг в ту или иную сторону означает дисбаланс, почти катастрофу; где нет неопределенности, нет сокрушительного напора эмоций. Да, герои Ефремова отчасти изъясняются штампами, но не только потому, что являются просто функциями, популяризирующими идеи автора; при той ситуации, которую навязал им автор, они иначе просто не могут.

Вот как описывает своих идеальных героев сам Ефремов: "В начале все пришельцы далекого мира (Земли. - *М.Г.*) казались тормансианам очень красивыми, но одинаковыми. Мужчины — высокие, с решительными крупными лицами, серьезные до суровости. Женщины - все с чеканно правильными мелкими чертами, идеально прямыми носами, твердыми подбородками, густоволосые и крепкие. Лишь когда глаз привыкал к этим общим особенностям, обитатели Ян-Ях замечали индивидуальное разнообразие землян" [3, с. 194].

В мире Ефремова нет ни мужественных женщин, ни женственных мужчин, там во-

обще нет переходов, полутонов, нюансов... Но стоит вспомнить, что именно "промежуточные" особи являются тем "золотым фондом эволюции", который природа держит "на всякий случай", тогда как при различного рода катаклизмах страдают именно совершенно приспособленные к определенным условиям особи - ведь условия уже изменились. Это касается и проявлений так называемого полового диморфизма. Биологи полагают, что у видов, в которых половой диморфизм принимает крайние формы, больше шансов оказаться в эволюционном тупике.

Такое застывшее "на лезвии бритвы" совершенство не оставляет возможности дальнейшего развития - недаром сам автор подчеркивает, что, хотя между героями "Туманности Андромеды" и "Часа Быка" пролегла целая эра, ни облик, ни общественный строй, ни стиль мышления практически не изменились. Развиваться некуда. Можно лишь поднимать до собственного уровня иные, отсталые миры, где кипят страсти, очень напоминающие наши собственные, и где обществом правит "инферно" - закон возрастания энтропии.

Чувствует ли сам автор, что он загнал своих героев в тупик - исторический и эволюционный? Да, вероятно, поскольку Ефремов был безусловно большим мыслителем - и можно до сих пор удивляться глубине и точности его наблюдений (особенно в его последней большой вещи - в "Часе Быка"). Стоит вспомнить импровизированный урок, который в "Туманности Андромеды" устраивает школьникам будущего все та же любимая героиня автора - Веда Конг. "Что главное в устройстве общества?" - спрашивает она школьников и награждает "призом за превосходный ответ" того из них, кто отвечает "Движение вперед!". Но одного лишь заявленного лозунга недостаточно, и Ефремов постоянно пытается найти выход из созданного им самим замкнутого круга. Люди дошли до предела своего биологического совершенства - генетики уже "работают" над проблемой биологической совместимости человечества с расой краснокожих людей с Эпсилона Тукана, ничем не уступающих человеку по степени физического и духовного совершенства. Что-то не то получается с умением выражать тонкие душевные порывы - откроем и разработаем третью сигнальную систему, сверхчувственное восприятие - телепатию, телекинез и ясновидение. Но об этом говорится вскользь, и понятно почему - это "сущности, введенные без необходимости", а выражаясь обиходным языком, "взятые с потолка".

Итак, идеальные мужчины и женщины Ефремова оказываются слишком идеальными, совершенство - слишком статичным, дихотомия - слишком определенной. Чтобы найти "новый подход", видимо, одного статического совершенства, одного равновесия недостаточно. А к чему может привести нарушение этого равновесия? И тут мы можем вспомнить других авторов, оказавших на формирование отечественной фантастики влияние не меньшее, чем в свое время Ефремов. Речь идет об А. и Б. Стругацких, и об их повести "Улитка на склоне" (1966), в которой мы видим результат подобной эволюции - общество, состоящее исключительно из женщин, построивших новую, биологическую цивилизацию, постепенно вытесняющую "старомодное" двуполое общество. Однако эта цивилизация (описывая ее, авторы во многом пародируют крайние течения феминизма) оказывается тоже далеко не идиллией. "Доблестные подруги", безжалостно уничтожающие, может, и не слишком благополучный, но привычный мирок беззлых патриархальных поселян, оказываются еще и своеобразными шовинистками, презирающими и третирующими не только мужчин - отбросы эволюции, но и женщин, рожавших от мужчины и рожденных от мужчины, а не зачатых в загадочном Озере.

И чисто социальный, и чисто биологический подход к попытке осмысления *исначальной* двойственности человеческого рода, и статика, и динамика, похоже, упираются в тупик; в чем бы этот тупик ни выразался - в сохранении равновесия или в чрезмерно уродливом его нарушении. Пожалуй, уместно процитировать Е. Головина, отметившего, что на деле "... мужчины и женщины отнюдь не демонстрируют наличие сугубых противоположностей, человек с любой точки зрения - анатомической, психологической, философской - есть подвижный результат соединения двух начал" [4. с. 8].

Вероятно, стоит помнить это утверждение, чтобы понять: новая модель человечества как вида возможна лишь в том случае, если мы не ограничимся чисто биологической или социальной сферой, разделив человечество на две четко фиксированные антагонистические группы, или, ничтоже сумняшеся, попытаемся избавиться от противоречий, напрочь исключив одну из этих групп, а, объединив эти сферы, попытаемся смоделировать такое общество, чье существование и развитие не диктовалось бы антагонизмом полов. Убрав полярность, формирующую психологию любого представителя современной западной культуры, мы можем получить общество, в котором все - мифология, культура, религия, экономика - будет формироваться без участия такого основополагающего фактора, каким является разделение человечества на два "противоположных" пола.

Для того чтобы создать такую модель, причем модель "работающую", писатель-фантаст должен обладать знаниями этнографа, историка, культуролога и ощущать проблематику, так сказать, изнутри. Не удивительно, что таким автором стала женщина.

Справка из "Энциклопедии фантастики":

"Урсула Кребер Ле Гуин - дочь известного антрополога Альфреда Кребера и писательницы Теодоры Кребер, окончила Кембридж, получила диплом филолога, преподавала французский язык и вела творческие курсы по научной фантастике. Ее произведения поражают богатством представленных в них культур, что не удивительно для автора, выросшего в семье антропологов и этнографов. Также беспрецедентна в подобной литературе и психологическая глубина характеров - землян и инопланетян..." [5].

Творчество этой писательницы давно уже является предметом серьезного исследования, в том числе с позиций феминизма, и список работ, посвященных ей, обширен. Однако поскольку данный обзор не является научным исследованием в прямом смысле этого слова, я не буду ссылаться на соответствующие источники, а ограничусь лишь своим собственным мнением по интересующему нас поводу.

Лучшим романом американской научной фантастики последних десятилетий признан роман Ле Гуин "Левая рука тьмы" (1969), где представлена одна из наиболее полных и обоснованных моделей общества, не ведающего разделения полов. Действительно, а что же будет, если изъять из цивилизации понятие пола вообще, т.е. основную ее составляющую?

Подобная цивилизация и населяет суровый Геттен - планету Зима, где жизнь может существовать только на узкой полоске плодородной земли, затиснутой между двумя ледниками, ползущими с севера и юга планеты. Цивилизация поначалу непонятна представителям миссии с планеты Земля - недаром исследовательница, посетившая эту планету, завершает свой отчет следующим образом:

"Когда вы встречаете геттенианина, вы не имеете права и не должны вести себя, как привыкли в обществе бисексуалов, когда вы определяете собеседника на роль мужчины или женщины и тем самым невольно заставляете его вести себя в соответствии с ролью, которой вы сами его наделили. Наши представления о взаимоотношениях в бисексуальном обществе здесь не действуют. Они не играют никакой роли. Тут не воспринимают друг друга в качестве мужчин или женщин. Нашему воображению почти невозможно представить себе такое. Какой первый вопрос мы задаем относительно новорожденного ребенка?" [6, с. 69].

Действительно, геттениане Ле Гуин - это люди и психологически, и биологически, но люди, живущие в маргинальных условиях вечной зимы и лишённые явных признаков пола. Они "просто люди", что сбивает с толку всех земных исследователей. Большую часть жизни у них отсутствует то, что доктор З. Фрейд называл "либидо", да и анатомический пол, и отношения их регламентируются внесексуальными, социальными функциями и личными привязанностями. Но на короткий период раз в месяц андрогинный организм геттенианина вступает в особую фазу и становится совершенно произвольно либо мужским, либо женским. Если при этом у геттенианина

есть постоянный партнер, он на этот же период обретает противоположный пол. "У нормальной личности, - гласит все тот же отчет, - нет никаких предубеждений против любой из половых ролей; они даже не знают, доведется ли им быть мужчиной или женщиной и не обращают на это внимания" [6, с. 66]. Зачать и выносить ребенка может любой из партнеров, физиологически оставаясь женщиной вплоть до окончания вскармливания ребенка, а затем его организм вновь возвращается в латентную фазу, причем в психологическом плане не происходит никаких изменений и мать нескольких детей может быть отцом других.

И если посол Содружества миров на планете Геттен - Дженли Ай (обычный человек, здесь он маргинал вдвойне, во-первых, потому что он мужчина, во-вторых, потому, что он - темнокожий обитатель теплой Земли - не приспособлен к убийственному холоду планеты Зима) - поначалу в отчаянье готов проклинать "изменчивый мир, где твой друг может стать твоей возлюбленной с новой фазой луны" [6, с. 146], вернувшись по выполнению своей миссии в расчлененный, четко фиксированный мир своих соотечественников, с трудом выносит эту разделенность. "Странно мне было смотреть на них. Станными были их голоса для меня: то слишком низкими, то слишком высокими. Они (люди, соплеменники Дженли. - М.Г.) казались мне группой больших и странных животных двух видов: большие обезьяны с умными глазами, в которых светится похоть" [6, с. 201].

Общество, сформированное андрогинами Ле Гуин, настолько логично, что, отталкиваясь от биологии геттениан, любой мало-мальски грамотный социолог или этолог может описать его характерные особенности. Но лучше последовать за самим автором.

Если говорить об аналогиях с земными цивилизациями, оно, скорее, будет ближе к японской, китайской или индийской, нежели европейской культуре. От западных цивилизаций оно будет отличаться замедленными темпами технического прогресса, что в данном контексте вполне естественно. С точки зрения этологов, поисковая активность и психологически, и физиологически сопряжена с мужским началом, стабильность - с женским, отсюда все технические новшества здесь будут сводиться к минимуму, а технология - строго регламентирована. На планете Геттен, как и на Земле, существуют государства с различным социальным строем - и "застойное" королевство Кархайд, и тоталитарный Оргорейн, подозрительно похожий на СССР; тут случаются территориальные стычки, есть тайная полиция, убийства, уничтожение неугодных, политические интриги и концлагеря. Но нет и никогда не было крупных войн. Геттениане, не знающие ни подавленного инстинкта насилия, ни сексуальной агрессии, выливающейся в социальную агрессию, весьма ревностно заботятся о своем личном престиже (вспомним страх "потерять лицо", преследующий японца), но они не знают, что такое война.

Философия геттениан, смоделированная Ле Гуин, также напоминает восточные философии, где противоположные сущности переходят друг в друга, являясь не антагонистами, но взаимодополняющими сторонами одного и того же явления:

"Свет - всего лишь левая рука тьмы.
Тьма - всего лишь правая рука света.
Двое - это одно, жизнь и смерть,
что лежат бок о бок" [6, с. 159].

Здесь торжествует недосказанность, невысказанность, и Предсказатели собираются в высокогорном монастыре не для того, чтобы найти ответы на вопросы, а для того, чтобы понять, какие вопросы *не следует задавать*.

"Неизвестное, - говорит главному герою Предсказатель Фейкс, - это то, на чем стоит жизнь. Если будет доказано, что нет Бога, исчезнет религия. Но если и будет доказано, что есть Бог, все равно не будет религии... Скажи мне, что мы знаем? Точно и неопровержимо - есть ли хоть что-то, что вы совершенно точно знаете о своем будущем, или о моем?"

- Что мы все умрем.

- Да. Вот это в самом деле единственный вопрос, на который может быть дан ответ, Дженли, и мы всегда знаем его... Но единственное, что делает жизнь более менее терпимой - это постоянная невыносимая неопределенность: мы не знаем, какая судьба нас постигнет" [6, с. 53].

Замечу, что подобная *определенность*, существуй она хоть в каком-то виде, оказалась бы губительной для любой цивилизации - и о такой возможности опять заявляет женщина. На этот раз наша соотечественница О. Ларионова. В ее повести "Леопард с вершины Килиманджаро" (1965), написанной на четыре года раньше знаменитого романа Ле Гуин, человечество из-за неожиданных последствий эксперимента со временем и пространством получает возможность узнать точные даты смерти всех ныне живущих на Земле людей - и какие страшные, ломающие судьбы последствия влечет за собой такая "определенность". Но следует помнить, что именно ряд "неопределенностей" в современном социокультурном контексте воспринимается преимущественно как "женский символичный ряд", тогда как "мужской" являет собой нечто определенное [7, с. 126].

Итак, литература, задавшись первоначально лишь целью построить модель *иного* общества, неминуемо выходит на проблемы чисто философского, онтологического порядка. Речь идет уже не просто о частных возможностях, о переборе все новых и новых вариантов, но о поиске нового подхода, нетрадиционного взгляда на вещи, и, что еще важнее, о расшатывании традиционной системы координат, о выходе за ее рамки. Пока человечество рассматривает себя изнутри, различия - расовые, языковые, анатомические - будут играть в самовосприятии большую роль, чем сходство. Для того чтобы воспринять себя как единое целое, человечеству необходимо взглянуть на себя со стороны. По мнению ряда философов, массовые случаи наблюдения летающих тарелок в переломные для человечества моменты эпохи могут быть связаны с потребностью в подобной самоидентификации, в основе которой "лежит миф о тождественности, точнее - о Двойничестве... тем самым предполагается существование небесной Сверхприроды, ибо угроза Наказания исходит именно оттуда" (8, с. 68), или с поисками целостности при соотношении масштабов отдельной личности с масштабами Вселенной [9].

Симптоматично, что фантастика как самостоятельный литературный жанр зародилась практически одновременно с "всемирной" религией - бахаизмом - и возникновением "всемирного" языка - эсперанто; это, вероятно, связано с попытками человечества осознать себя именно как единое целое. Причиной тому послужил бурный научно-технический прогресс, в частности развитие средств коммуникации (транспорт, связь, начало "информационного взрыва") параллельно с началом эпохи мировых войн и крушением традиционной научной парадигмы. Но без гендерного подхода не обошлось и здесь.

Тот же Головин напрямую связывает расцвет так называемой черной фантастики на рубеже XIX-XX веков с "энтропией патриархальной цивилизации, мрачным угасанием мужского начала", с утратой "метафизического центра", вызванной переворотом в физике и философии (возникновение структурной феноменологии, психоанализа, теории относительности) [4, с. 26].

Потеря привычной системы координат вызвала потребность в выработке новой системы или отказ от подобной системы вообще. Тем не менее один незыблемый центр все же существует - это осознание себя целостной личностью на уровне человека, целостным, единым человечеством на уровне ноосферы и целостной, единой и взаимозависимой системой на уровне биосферы. Вероятно, именно такой подход и будет наиболее плодотворным. Тут снова уместно процитировать роман Ле Гуин [6, с. 160]:

"- Вы и сами по себе, и вы неразделимы. Может быть, вы столь же преданы цельности, как мы (люди. - *М.Г.*) дуализму.

- И мы дуалисты. Дуализм - это сущность, не так ли? Пока есть я *сам по себе*, есть и *другой*.

- Я и Ты, - сказал он. - Да, так и есть, и это гораздо больше секса..."

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лем Ст.* 25-е путешествие Йона Тихого // Избранное. Кишинев, 1978.
2. *Ефремов И.* Туманность Андромеды. М., 1988.
3. *Ефремов И.* Час Быка. М, 1970.
4. *Головин Е.* Приближение к черной фантастике // *Майринк Г.* Кабинет восковых фигур. М., 1992. С. 7-27.
5. Энциклопедия фантастики. Минск, 1995. С. 326-330.
6. *Ле Гуин У.* Левая рука тьмы. Рига, 1991.
7. *Габриэлян И.* Пол, культура, религия // Общественные науки и современность. 1996. № 6.
8. *Барт Р.* Марсиане // Семиотика. Поэтика. М., 1994.
9. *Юнг К.* Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе. М., 1993.

© М. Галина, 1998